



Лана Мевская

Skleněný
mustek
2015

История одной
любви

Лана Невская

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Лана Невская 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-004-7

Содержание

1. Танцплощадка
2. Первые письма
3. Только письма
4. Развитие отношений
5. Немного философии
6. Визит к родителям
7. Первые 5 лет
8. Мелкие недоразумения
9. Мысли о главном
10. Обида
11. Еще раз про любовь
12. Серьезные вопросы
13. Скоро Новый год
14. И пошел год 1949-й...
15. Опять что-то не так...
16. «Мумия»
17. В разлуке
18. Сердцем и разумом
19. Одна жизнь на двоих
20. Наконец прозвучало «Люблю!»
21. Сто тысяч «почему?»
22. Самая лучшая встреча
23. Ты со мною не шути...
24. Почему не сейчас?
25. Мысли в унисон
26. И скучно, и грустно...
27. После встречи...
28. Кто такая Евгения К.?
29. Люблю, скучаю...
30. Любовь никогда не бывает без грусти...
31. Эволюция
32. Простое, будничное счастье...
33. День рождения
34. Предвкушение встречи

- 35. Приятные воспоминания
- 36. Разве то, что...
- 37. Я знаю...
- 38. Несостоявшийся визит
- 39. Труды не пропали даром
- 40. Неделя вместе
- 41. Что-то происходит...
- 42. Тайна осталась тайной двоих...
- 43. Камин горит, огнем охваченный...
- 44. Разгадка: правда и домыслы. Часть 1
- 45. Без права на ошибку
- 46. Перед поездкой в СССР
- 47. До встречи после разлуки...
- 48. В Рославль
- 49. Упрямый дипломат
- 50. Далеко от тебя...
- 51. Такая долгая неизвестность
- 52. Маленькие победы и большие надежды
- 53. Жизнь продолжается
- 54. Последние дни лета
- 55. Неожиданные новости
- 56. Кажется становится теплее
- 57. А что дальше?
- 58. Наконец-то свершилось!
- 59. Перед свадьбой

Послесловие

- 60. Разгадка: правда и домыслы. Часть 2

ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ



На приёме у немецких друзей. 1983 год

Наверное, чем старше становишься, тем чаще предаешься воспоминаниям молодости, когда все было легко, интересно, весело; когда жизнь только начиналась и казалась вечной-бесконечной и, разумеется, счастливой!

Вот и мама с возрастом стала все чаще перебирать старые письма от родных и друзей. Какие-то с удовольствием перечитывала, какие-то просто перекладывала в другую стопку, а некоторые долго держала в руках, вспоминая или этих людей или связанные с ними события...

Еще была у нее толстая общая тетрадь, вернее – обложка от нее: ярко-красная, глянцевая, с тиснением под крокодиловую кожу, в которой лежала толстая пачка писем, написанных маминым и папиным почерком. Эту тетрадь она доставала крайне редко и говорила, что помнит наизусть все, что там написано.

Это были письма моих родителей друг другу, которые они писали в течение почти полутора лет с момента знакомства и до свадьбы.

Это – их личная история любви в письмах!

По числам на письмах и по ответам на вопросы можно понять, что они писали друг другу почти ежедневно и очень подробно и о прошедшем дне, и о своих чувствах, и об обстановке в стране, и своем отношении к происходящему. Сколько любви, патриотизма и гордости за страну было в этих письмах! Это мысли совсем другого поколения, того, которое вынесло на своих плечах Великую Отечественную войну, восстановило города из руин, и дало возможность нам родиться и прожить основную часть жизни в великой стране без войн и финансовых потрясений!

Раньше я не очень интересовалась содержимым этой тетради.

В детстве мне было это просто не интересно. Я знала, что там лежат мамины письма – и все.

В юности у меня были свои истории любви. Тогда я пыталась что-то прочитать и перенять опыт, но их отношения как пример мне вовсе не подходили и казались слишком политизированными и скорее похожими на кино. Я перелистывала время от времени несколько страниц, смотрела фото и открытки и складывала все обратно.

Иногда я спрашивала у мамы, как они познакомились, и она с удовольствием вспоминала какие-то эпизоды тех лет. Но память у меня была девичья, и я быстро забывала многие подробности ее рассказа, о чем сейчас очень жалею!

... После смерти родителей я открывала эту тетрадь не один раз, читала первые страницы и заливалась слезами. Только сейчас, потеряв родителей, и уже не имея возможности хоть что-нибудь узнать об их молодости, я сумела понять, почувствовать, какие же чистые и нежные отношения были между этими молодыми людьми, которые только что пережили войну, чуть-чуть глотнули мирного воздуха и, случайно встретившись в субботу на танцплощадке небольшого немецкого городка, не расставались уже до самой смерти, прожив в любви и согласии 52 года!

Эх! Сюда бы хорошего журналиста, литератора, а, может, и режиссера! Такая вещь могла бы получиться! Просто «Романс о влюбленных»!

Чуждому человеку легче читать чужие тайны и исповеди, те слова, которые люди не произносят публично, а берегут и говорят их тому единственному, которому они предназначены. А я начинала читать, опять плакала и убирала тетрадь подальше, до следующей попытки. Не могу читать – и все!

И вот сейчас я все-таки решилась рассказать эту историю, столько лет пролежавшую в мамином архиве, но от этого не ставшую менее интересной и значимой для меня.

Я не знаю, сумею ли я передать все, что несли в себе эти письма из прошлого, но мне очень хочется, чтобы память об этой любви не пропала вместе с моим уходом. Пусть дочь и внучка хоть чуть-чуть прикоснутся к истории жизни своих, не таких уж далеких, предков!

... Папа ушел раньше, что стало для всех неожиданностью, которая и подкосила маму. Всегда сильный, бодрый, энергичный, кадровый офицер, без вредных привычек, он неожиданно стал резко слабеть, худеть – нам было ясно: что-то грызет его изнутри! Только в госпитале Бурденко ничего не находили, лишь постоянно твердили:

– Анализы у него прекрасные, можно в космос отправлять!

Я не знаю, как они там смотрели эти анализы, как и что делали, но через год, когда вес дошел до 39 кг и папа уже даже не мог говорить и принимать пищу, в обычной районной больнице ему поставили диагноз – скоротечный рак легкого, и выписали домой! Это было 23 февраля, в его профессиональный праздник!

А на следующий день, 24 февраля 2001 года в 23 часа 30 минут, папы не стало...

Он продержался еще только один день и ушел в вечность, оставив о себе добрую светлую память.

Мы, как могли, старались вернуть к жизни маму. Она все понимала: что надо жить дальше, что живой в могилу не ляжешь, что у нее есть дети и внуки, которым она нужна, но что-то в ней оборвалось со смертью папы. Она как-то сникла, растерялась, остро почувствовав его отсутствие, в общем – погасла в ней та искра жизни, из которой должно было разгореться пламя.

Через два года у мамы случился инсульт, который надолго свалил ее с ног в прямом смысле слова. Еще год мы выхаживали ее. И когда она уже стала выходить на улицу и сама себя обслуживать дома, а мы решили, что самое страшное осталось позади, она вдруг сказала:

– Наверное, мне пора к папе...

И через месяц тихо умерла у меня на руках через 20 минут после отъезда «Скорой». Это было 4 июня 2004 года в 18 часов 20 минут.

Надеюсь, – теперь они снова счастливы вместе!

А начиналось все так...

1. Танцплощадка

После окончания войны и демобилизации моего дедушку, прошедшего всю войну до Берлина связистом, как бывшего опытного главбуха большого предприятия, оставили работать в Германии в советской торговой организации и разрешили привезти семью. Так мама оказалась в Германии, где окончила русскую школу в небольшом городке восточной Германии – Дрездене, а жила во время учебы в интернате и приезжала домой в Хемниц только на выходные.



У танцплощадки

Там, в один из теплых весенних вечеров, на танцплощадке городского парка, куда они пришли с подружкой, она и познакомилась с молодым симпатичным лейтенантом – Борисом, который, пригласив ее на первый танец, так и не отпустил до конца вечера. Симпатия оказалась взаимной, и молодые люди условились, что будут перезваниваться и

переписываться, обменялись координатами, но... жизнь военного ему не принадлежит!

Личные договоренности часто приходилось нарушать, если вдруг случался внезапный выезд на учения «по тревоге» или внеочередное дежурство в казарме, - да мало ли забот у молодого лейтенанта, только что окончившего с отличием Киевское высшее военное училище и направленного в Германию к первому месту службы!

В тот вечер они договорились встретиться здесь же в следующую субботу. Но в назначенное время мамин кавалер не появился, а пришел его друг и передал маме записку от папы, а на словах сказал:

– Ты только не волнуйся! Все будет хорошо! Он тебя любит, скоро вернется и сам все объяснит!

Хорошенькое дело – не волнуйся! Как только тебе говорят такую фразу, то сердце сразу бросается в пятки, а на его месте образуется холодная пустота, и ты медленно начинаешь терять сознание.

Правда, до таких ужастиков дело не дошло, слишком мало они еще были знакомы, но папина записка ее заинтриговала. Он писал, что по личным делам ему необходимо съездить в отпуск на родину дней на 7-10, а потом он вернется, и все будет хорошо! Только дождись меня!!! – стояло в конце.

Вряд ли нормальный человек будет после такой записки все 10 дней спокойно жить в твердой уверенности, что все будет хорошо.

Тайну этой поездки мама хранила вплоть до папиной смерти. И узнала я ее совершенно случайно, когда пришлось в военкомате заполнять какую-то анкету или заявление на пенсию – уже не помню. Вот тогда я попыталась заставить ее рассказать мне все с подробностями. Она долго сопротивлялась, но потом сухо и коротко, буквально несколькими словами описала ситуацию и больше не захотела ничего рассказывать. Видимо, ей эти воспоминания до сих пор были неприятны, и она вовсе не собиралась смаковать все подробности. Я потом долго пребывала в легком шоке от услышанного. Но это совершенно отдельная история.

Когда я стала читать подряд все письма, я нашла в них отголоски той ситуации, но, что именно произошло, и почему папа только через год знакомства, решил объяснить ей всю эту историю, – мы так и не узнаем, потому что мама порвала его письмо с подробностями, чтобы никто и никогда не смог случайно прочесть его и воспользоваться этими сведениями во вред ей или папе.

Такая мудрость в 20 лет! И такая сила воли молчать об этом в течение всех 52 лет их брака, до смерти папы. И она бы так ничего и

не сказала нам с братом, если бы не эта бессмысленная анкета и мое присутствие при ее заполнении.

Когда дойдет очередь до этих писем, я поясню, о чем шла речь.

И мама дождалась его, а дальше – полтора года почти ежедневной переписки, которую мама аккуратно сложила в яркую обложку от общей тетради и бережно хранила все годы их совместной жизни. И сохранила, несмотря на 13 переездов, коммуналки, где самим-то негде развернуться – не то, что такие архивы хранить!

Когда я пыталась читать эти письма, слезы лились рекой! Выбросить эти исторические хроники нельзя, а читать – невозможно! Это все равно, что в замочную скважину подглядывать! И я опять откладывала их до лучших времен.

Так вот.

Через короткое время ее обожаемого Бориса перевели по службе в другой город – Потсдам. Мама после окончания школы стала работать бухгалтером, и часто ездила в этот город с отчетами. Вот тогда и встречались влюбленные на несколько часов, а иногда – и дней, если папа не был в это время на учениях или в командировке.

А еще они умудрялись ночами болтать по ВЧ – спецсвязи, по которой мог позвонить даже Сталин. Не помню – кто им разрешил, но очарованные их отношениями связисты соединяли любящие сердца с условием, что если позвонит начальство, то отключат без предупреждения.

И вот, вечером, папа садился к телефону и «налаживал связь», проходя по отдельным кусочкам её с определенным паролем на каждом отрезке:

– Сокол! Я – Сирень! Прошу Ласточку! – и так далее – все 8 коммутаторов, пока до мамы не дозвонится.

А потом они говорили часами, связисты на линии слушали их беседу как поэму, да еще вставляли свои реплики и ехидные замечания.

Но влюбленных это не останавливало, и они общались так часто, как могли.

Через полтора года, 16 декабря 1949 года, состоялась их свадьба, на которой присутствовал весь папин взвод, мамина семья и подруги. Папа привез своей невесте прямо к дому целую грузовую машину корзины с живыми цветами. И это в декабре!

Какие же родители молодые, красивые и счастливые на фото!

Вот коротко то, что предшествовало этому долговому и счастливому союзу моих родителей.

А теперь – письма. И мои небольшие комментарии к ним...

Я не буду приводить их все дословно и в хронологическом порядке – это ни к чему: они слишком личные, иногда (мамины) по-девичьи наивные и трогательные, но не имеющие отношения к тому, что я хотела бы подчеркнуть в их отношениях: чистоту, целеустремленность, доверие, уважение друг к другу, стремление понять и почувствовать другого человека, искренность и трепетность чувств, необыкновенно серьезное отношение к выбору спутника жизни.

И еще. Я нашла письма только с 27 сентября 1948года. Может, самые первые письма «залезли» в другие, в более позднюю переписку – ведь сохранились и письма за все последующие годы их совместной жизни: из института, командировок, с отдыха, – и найдутся позже, а пока начну с того, что есть...

2. Первые письма

Родители жили тогда в разных городах, и едва расставшись после очередной встречи, сразу садились за письма, будто так и не успели сказать друг другу самого важного. Иногда они пытались докопаться до истинного смысла того, что было сказано при встрече, может, недоговорено или сказано лишь намеком.

Они были свободны в своих мыслях и действиях, и именно эта свобода притягивала их друг к другу, давала возможность присмотреться и оценить внутренние качества человека, с которым, может быть, ты свяжешь свою судьбу на всю жизнь. Они не переступили ту черту, после которой наступает некоторая зависимость, которая заставляет принимать решения под давлением обстоятельств. Почти ежедневно, вернее – еженощно, они созванивались и разговаривали по несколько часов. О чем они говорили – история умалчивает, и можно только догадываться о содержании этих бесед.

Кроме писем было множество открыток с трогательными надписями в соответствии с рисунком на них.

Почти каждое письмо сопровождалось эпиграфом, и было похоже на небольшое эссе или миниатюру. Но главное, что меня всегда удивляло в папиных письмах – это их политическая, патриотическая, и социальная направленность.

В 1948 году маме было 20 лет, папе – 22.

Вы можете представить себе сейчас письмо, которое написал бы

сегодня (пусть и по интернету) молодой человек этого возраста своей девушке? Ему в голову не придет обсуждать с ней такие проблемы!

А каким языком написаны папины письма! Паренек «из глубинки» – место рождения – деревня Дмитриевка, Белебеевского района, рано потерявший родителей (мать – в 15 лет, отца – в 18), окончившего педагогический техникум по специальности: математика и черчение, и военное училище, так излагает свои мысли, что позавидует любой журналист.

В этих письмах не только личная жизнь двух молодых людей. Это голос той послевоенной эпохи, когда люди почувствовали, что, несмотря на все потери, весь ужас пережитого, – жизнь продолжается! И именно любовь одна из первых стала прорастать яркими цветами на пепелище войны. Оказалось – любовь жива! Она идет нам навстречу, и как всегда, побеждает любые препятствия на своем пути. И вот – еще одной счастливой парой на Земле стало больше!

Конечно, все было непросто, у каждого на пути были свои «колючки», но если любовь настоящая, она обязательно преодолает все трудности и выйдет победительницей!

Впрочем – судите сами...



27 сентября 1948 года

«С той поры, как мы увиделись с тобой,
В сердце радость и надежду я ношу.
По-иному и живу я и дышу
С той поры, как мы увиделись с тобой!

Милый друг! Наконец-то мы вместе!
Ты плыви, наша лодка, плыви!
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей большой любви».

Инна!

Я остаюсь здесь с самыми светлыми и самыми теплыми мыслями о нашей непродолжительной дружбе, с самыми хорошими мыслями о тебе, с надеждой неизбежности нашей новой встречи.

Лично от нас будет больше всего зависеть возможность и необходимость этой встречи.

Если наше желание, наши силы и наша воля к встрече будут твердыми, глубокими и большими; если все наши, даже самые малейшие дела будут сознательно направляться на осуществление этой встречи; и если каждый из нас будет видеть в ней свое счастье в будущем, и будет всегда помнить об этом, – то можно с уверенностью сказать, что ни время, ни окружающие люди, ни расстояния и никакие другие причины не свернут нас с нашего общего пути.

Необходимо только, чтобы каждый из нас имел в себе смелость всегда сказать все о себе и о друге, обо всех внешних и внутренних изменениях, об их влиянии на наши отношения.

Мне, расставаясь с тобой, всей душой хочется, чтобы ты всегда смело шла вперед, успешно преодолевала трудности на своем пути, и в борьбе с ними находила самое большое удовлетворение.

Мне хочется, чтобы ты шла вперед прямо, не останавливаясь и не сворачивая с пути, не задумываясь над необходимостью обхода трудностей и всегда помня о том, что только прямой путь будет твоим путем к заслуженному, а потому – самому большому счастью.

Я обещаю сам всегда выполнять все это и, не колеблясь, смело идти к своей цели.

Борис.

3 октября 1948 года

«Зато и пламенная младость
не может ничего скрывать,
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать!»

Боря, здравствуй!

Вот видишь, как все нехорошо складывается! Свой приезд домой я ознаменовала болезнью – грипп разыгрался не на шутку. Сегодня воскресенье, прекрасная погода, а я вынуждена сидеть дома. А вчера все-таки не выдержала и поехала немного покататься на велосипеде, но сделала это зря – сегодня чувствую себя хуже. Настроение паршивое. Сейчас с удовольствием бы поговорила с тобой по телефону, но ты не звонишь. А в голову лезут различные мысли и воспоминания...

Боря! Дописываю после разговора с тобой. Как хорошо, что ты позвонил – сразу на душе стало веселее. Сейчас бы еще погонять с тобой на мотоцикле! И зачем только существуют на свете болезни? Мне очень хочется, чтобы сегодня был такой же день, как всегда, когда мы проводили его вместе. Передо мной фотографии с видами Сан-Суси и парка культуры. На фоне парков – мы, и мне кажется, что все это только сон, и если я проснусь, то окажусь там в действительности.. Это похоже на бред, но не удивительно. Ведь при высокой температуре люди иногда бредят.

Сегодня мне совсем не дают дописать письмо: то навещать приходят, то к папе по делу, то мама с витаминами донимает. Но я все равно отошлю тебе это сумбурное письмо. Думаю, ты не обидишься.

Всего тебе самого доброго.

С искренним приветом. Инна.

2 октября 1948 г.

« Если мы хотим, чтобы наша дружба была достойна своего высокого названия, то нужно, чтобы в нашей повседневной практической работе нам всегда сопутствовала постоянная благородная внутренняя тревога за ее судьбу....»

Инна! Здравствуй!

Ты, конечно, теперь уже дома. А я начинаю смиряться с мыслью, что тебя здесь нет, и что мне придется еще долго жить воспоминаниями о тебе.

Я не пошел на танцы, и сегодняшний вечер решил посвятить тебе, не сожалея нисколько об этом. Ты заслуживаешь того, чтобы посвятить тебе значительную часть своего времени. Кроме того, у меня осталось много наших общих фотографий, и они никогда не дадут забыть о днях, которые мы провели вместе.

Самое хорошее, что можно сказать об этих днях, – хорошо, что они были именно такими. В них не было никаких прикрас и подделок, и самое лучшее, что украшало их, – это самая естественная простота. Она была всегда нашим постоянным участником и в нашем обращении друг с другом, и в суждениях о других людях, и в наших мыслях обо всем остальном. Наше общее «наоборот» не усложняло, а напротив – упрощало наши отношения, хотя, как ты знаешь, они и не всегда нравились мне. Но даже это «наоборот» помогало нам лучше узнавать друг друга, и, по-моему, не ошибусь, если скажу, что в нем было больше общего, нежели противоположного. А сейчас я согласился бы с этим твоим любимым словом, потому что очень хотел бы, чтобы действительно было все наоборот.

Я хотел бы, чтобы ты была не там, а здесь, чтобы я не писал тебе об этом, а говорил вслух, чтобы я не сидел здесь за своим столом, а был вместе с тобой на танцах. Но вышло все «наоборот».

Инна! Я давно обещал тебе сказать твою педагогическую специальность, и ты сама хотела ее знать...

Ты утверждаешь, что никогда не сможешь быть учительницей ни по какому предмету. Я утверждаю обратное, и сейчас мне хочется сказать, что ты научила меня благородному стремлению всегда поддерживать

чувство долга перед тобой, ты научила меня ценить твою скромность и простоту, держать себя непринужденно в нашем маленьком обществе и понимать друг друга больше, чем мы оба, может быть, думали.

Сейчас мы далеко друг от друга, но можешь не сомневаться, что у тебя был очень способный ученик, и он не забудет твоих интересных уроков.

Он не забудет их, потому что ему не только твои фотографии будут напоминать о них, но и парк, где мы так часто бывали; и озеро, где мы катались на лодке и собирали лилии; и Бельведера, с которой мы любовались городом; и, наконец, — даже та маленькая скамеечка, на которой больше всего мы сидели.

Кроме того, ты и сама напомнишь ему об этих уроках и научишь еще многому, что хочешь видеть в нем в другом свете.

А сейчас — будь здорова, благополучна, счастлива.

До свидания. Желаю успехов тебе и твоей семье.

С самым глубоким уважением. — Борис.

13 октября 1948 года

Боренька, здравствуй!

Надеюсь, что это письмо ты получишь, когда вернешься из командировки.

Доехала до дома я хорошо и быстро, хотя папа несколько раз останавливался поохотиться, кое-что добыл, а я нарвала в поле маков и васильков. А потом мы заехали в цветочное хозяйство и там накупили много садовых цветов. Ты же знаешь, что я очень люблю цветы, и никогда не могу просто пройти мимо.

В дороге нас застал дождь, но он не помешал нам доехать вполне благополучно. Однако, когда я ехала туда, то мне дорога показалась легкой и короче, чем обратная.

Боря! Мне еще раз хочется поблагодарить тебя за внимание и теплый прием. Только ты напрасно обиделся на меня, (да, да, обиделся, я все видела по тебе), за то, что я не пошла на танцы. Вот сейчас я тебе скажу истинную причину.

Может быть, тебе это покажется смешным, но я еще не привыкла считать себя взрослой, и люблю посещать только те места, где могут быть и взрослые и подростки. И мне было просто неудобно туда идти. Я знала, что буду стесненно себя чувствовать, а раз так, то это доставило бы мне мало удовольствия, и я сидела бы там, надувшись, что и тебе

было бы неприятно. Так что я решила не портить никому настроения и не ходить, хотя мне очень хотелось потанцевать.

Со временем я привыкну к этой мысли, тогда будет видно, а сейчас еще раз прошу: не обижайся!

Теперь мне хочется вернуться к твоим письмам. В одном из них ты писал, что ты хотел мне в тот момент не писать, а говорить вслух. Но мне кажется, что ты лучше выражаешь свои мысли на бумаге, нежели в моем присутствии. В письмах ты пространно рассуждаешь, думаешь, мечтаешь «без расшифровки», а мне потом приходится догадываться, что ты имел в виду, что делать нелегко, да и ошибиться можно.

Теперь о педагогической специальности. Я не стала обсуждать этот вопрос при встрече, а хочу написать об этом сейчас.

Я до сих пор утверждаю и буду утверждать, что никогда не смогу стать учительницей ни по одному предмету. А то, о чем пишешь ты, – все это происходило без моего участия. Я никого не учила, и все то, что исходило от меня, – говорилось не для того, чтобы кого-то научить, а высказывала я свои мысли, нисколько не подозревая, что в это время кто-то чему-то учится. Поэтому я была несколько удивлена твоими словами.

Возможно, – это привычка, но вот сегодня я только приехала, а мне уже хочется написать тебе, а ведь прошло меньше суток!

На этом пока закончу, а остальное скажу завтра...

С наилучшими пожеланиями и горячим приветом. Инна.



3. Только письма

3 октября 1948 года

«Осенние ветры холодной проносятся стаей,
На улице дождь, да и хмуро сегодня вокруг.
Я в эти минуты сижу и тебя вспоминаю,
Мой верный товарищ, веселый, испытанный друг»

Инна!

Сегодня наступил первый выходной день после твоего отъезда. Прошел он скучно, совсем неинтересно, и может быть, ты действительно права, утверждая, что вместе с собой забрала и солнце, и все остальное хорошее. Ну что ж, я буду рад, если оно всегда будет освещать твою большую жизненную дорогу.

Хочется только прибавить, чтобы она освещалась не только этими внешними источниками, но прежде всего твоим внутренним духовным светом, чистотой и светом твоих мыслей, возвышенностью и благородством твоих стремлений, светом той большой цели, которой ты хочешь посвятить свою жизнь.

Очень часто бывает, что наш внутренний свет бывает слабее внешнего, и тогда он гаснет в более ярких внешних лучах, и сама цель теряет

свой собственный блеск, превращаясь лишь в предмет, послушно и безучастно отражающий чужие лучи.

Нужно, напротив, чтобы свет души был сильнее внешнего, тогда он резко освещает дорогу, а сама цель из предмета отражения превращается в чудесный источник большого тепла и самого сильного и самого красивого света. А каждый источник, излучающий свет и тепло, вместе с тем излучает жизнь, приводит в движение множество явлений, короче – преобразует жизнь!

Так и люди, обладающие большим внутренним теплом и светом, вместе с тем обладают и этой замечательной способностью – приводить в движение, повышать инициативу, стимулировать жажду к большому делу у окружающих их людей.

Я хочу, чтобы ты всегда знала и всегда помнила об этом и никогда не допускала бесцельного светоизлучения, которое освещает не твою конечную цель, и не то, что стоит на пути к ней, а что-то постороннее, чуждое и тебе, и людям, в которых ты видишь попутчиков на своем пути.

Ты сейчас опять скажешь, что придется о чем-то догадываться и понимать в переносном смысле... Конечно, да!

Но я не сомневаюсь, что ты все-все понимаешь. Хочется еще привести в знак доказательства хорошо знакомые тебе слова:

– И ничто ее не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь.
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь!
/Есенин/

О чем говорят здесь последние слова?

Как раз о том, когда люди теряют способность быть источником света и тепла и превращаются в предмет отражения.

Правда?

Не обижайся на меня за то, что мое сегодняшнее письмо я посвятил именно этому вопросу. Я это сделал просто потому, что на улице так нехорошо, что при виде этой сырой темноты становится действительно холодно.

Меня согревают мои теплые мысли о тебе, именно потому я и написал о внутреннем тепле и свете.

А сейчас хочу спросить:

– Почему ты бросила трубку и рассердилась на мое молчание? А я

специально молчал и знал, что ты мне напомнишь об этом. Я оказался прав.

Ну, хорошо, прости. Быстрее выздоравливай. Желаю успехов во всем.

До свидания.

С горячим приветом и глубоким уважением – Борис.

8 октября 1948г.

«Нет большего горя, как в минуты
грусти вспоминать о минувшей радости».

Боря!

Время только 17.30, но уже смеркается, а у нас погас свет. Иду на почту и решила написать несколько слов и тебе. Ведь письма идут очень долго, а мне хочется все время говорить с тобой.

Я не знаю, придется ли мне быть в Потсдаме или нет на этой неделе. Никаких официальных дел у меня там пока нет, но я думаю настоять, придумать какую-нибудь причину. Впрочем, они сами догадываются, почему я прошусь туда.

У нас очень скучно: фильмы идут старые, работа и простуда не позволяют даже на велосипеде покататься, да и не хочется одной куда-либо ехать.

Прошла уже неделя с тех пор, как я вернулась из Потсдама, а кажется, что прошел целый месяц. Жду твоих писем, а пока заканчиваю – стало уже совсем темно, ничего не видно.

До свидания.

С приветом и наилучшими пожеланиями.

Инна

12 октября 1948 года
23.40

«Все, что было у нас хорошего,
Ты в дорогу с собой возьми!»

Инна!

Я только сейчас простился с тобой по телефону и только что пришел домой. Ты не обижайся на меня, что мы простились так скромно, просто, даже как будто немного холодно!